

В.М. Розин

Опыт понимания «Творческой эволюции» Анри Бергсона

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье предлагается авторская реконструкция известной работы Анри Бергсона «Творческая эволюция», проясняющая ряд непонятных для автора положений книги. Речь идет о том, каким образом Вселенная, вроде бы пустое, неживое пространство, понималась Бергсоном как форма жизни, к тому же жизнь творческая, а также почему Бергсон экстраполирует переживание человека на Вселенную, в результате чего появляется возможность с помощью интроспекции и интуиции проникнуть посредством сознания человека в сущность Вселенной, которой оказывается «длительность». Отталкиваясь от реконструкции творчества Эмануэля Сведенборга, автор высказывает предположение, что Бергсон разрешает две экзистенциальные для него проблемные ситуации (осмысление эволюции, а также отношения космоса и человека), создавая схемы, которые и задали реальность, концептуализируемую Бергсоном как длительность. Рассматривая некоторые аспекты духовного опыта Бергсона, автор отмечает влияние на французского философа идей Плогина и исследует, каким образом последние были переосмыслены, чтобы удовлетворить требованиям философской коммуникации Нового времени. В заключение указывается на значение творчества Бергсона для нашего времени.

Ключевые слова: А. Бергсон, Э. Сведенборг, Вселенная, сознание, эволюция, реконструкция, реальность, понимание, схемы, человек, космос, творчество

Эту знаменитую работу Бергсона я не читал до самого последнего времени. Мой коллега философ Владимир Аршинов подарил в этом году на день моего рождения небольшую книжечку со словами: «Меня всегда восхищала твоя творческая эволюция». Я начал читать и ахнул: Бергсон в этой книге обсуждает, по меньшей мере, две центральные темы, которые я рассматривал в своей только что вышедшей книге «Образы и парадоксы Вселенной. Прологомены к рефлексивной концепции космологии» [Розин, 2024], а именно эволюцию Вселенной и неудовлетворительность естественнонаучного (для Бергсона это два подхода – «механицизм» и «целесообразность») объяснения космоса. Вот что значит пропустить в ходе своего образования философский бестселлер! Но, впрочем, возможно, в те годы я бы «Творческую эволюцию» не понял.

Нельзя сказать, что и сейчас все было понятно, во всяком случае, в первом прочтении. Книга меня крайне заинтересовала, прежде всего иной, чем у меня, трактовкой Вселенной и человека. Причем сразу угадывались важные идеи, но одновременно все же было неясно, каким это образом Вселенная, вроде бы пустое, неживое пространство (в крайнем случае вакуум, заполненный галактиками и свечением звезд), понималась Бергсоном как форма жизни, по сути, как основная жизнь, да к тому же жизнь творческая? Опять же вроде бы творчество – атрибут человека, да и то не всякого, а тут – немой неживой космос. И второе недоумение. Бергсон экстраполирует переживание человека на Вселенную: связность переживаний сознания и их поток оказываются характерными и для связности и потока событий в космосе. Отсюда возможность с помощью интроспекции и интуиции проникнуть посредством сознания человека (через сознание) в сущность Вселенной, которой оказывается «длительность».

«...Для нашего сознания, – пишет Бергсон, – то есть для того, что является самым неоспоримым в нашем опыте, длительность – нечто совершенно иное. Мы воспринимаем ее как поток, в который нельзя войти вновь. Мы хорошо чувствуем, что она – основа нашего бытия и сама субстанция вещей, с которыми мы связаны». А немного выше читаем: «Непрерывная изменчивость, сохранения прошлого в настоящем, истинная длительность, – вот, по-видимому, свойства живого существа, общие со свойством сознания. Нельзя ли пойти дальше и сказать, что жизнь, подобно сознательной деятельности, есть изобретение и тоже представляет собой творчество?» [Бергсон, 2006, с. 70–71, 57.]

«Видение мира, – отмечает Ирина Блауберг, – с точки зрения его временности (историчности), целостности (в форме органицизма), и динамизма... распространены теперь на мир в целом, на весь космос. Уже не только человеческое сознание есть, по сути, своей длительность; вся “Вселенная длится”. <...> все те характеристики, которыми в ранних работах была наделена длительность: творчество, изобретение, непредвиденность будущего и др., – теперь переносятся на процесс развития мира в целом» [Блауберг, 2006, с. 17].

Отличается от общепринятой и трактовка Бергсоном самой эволюции. Обычный последовательный ряд такой: мертвая материя, живая, растения, животные, человек; у Бергсона – ряд параллельных линий длениа (параллельностью, пишет И. Блауберг, «можно объяснить и параллелизм в строении различных организмов, который был давно замечен биологией, но не находил удовлетворительного объяснения» [Там же, с. 22–23]). Движет эволюцией «жизненный порыв», который можно понимать не столько как причину, сколько как реализацию целого – длительности. «Но чем больше фиксируешь внимание на этой непрерывности жизни, тем больше замечаешь, что органическая эволюция приближается к эволюции сознания, где прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими» [Бергсон, 2006, с. 61].

Отличается и от общепринятого, и от предложенного вашим покорным слугой объяснение интеллекта. По сути, Бергсон сводит его к обслуживанию естественных наук и техники. «Основное назначение интеллекта – практическое; он нацелен на фабрикацию – производство практически полезных вещей и орудий... он не может охватить жизнь в целом»... он не в силах постичь движение, непрерывное изменчивое; он витает в сфере абстракций, упуская из виду конкретное, творческое, непредвидимое» [Блауберг, 2006, с. 23–24]. Конечно, писал Бергсон и о творчестве в искусстве, подчеркивая значение интуиции, и ему, вероятно, не чужда была оппозиция «наук о природе и наук о духе». Расширяя представление о науке в плане обоих членов оппозиции, Бергсон должен был бы согласиться с тем, что интеллект вполне в состоянии постигать и схватывать длительность. В целом объяснение конкретных этапов эволюции на земле, на мой взгляд, – не самая сильная сторона

работы «Творческая эволюция», в настоящее время эволюция объяснена и описана иначе и более убедительно. А вот трактовка сущности эволюции и Вселенной абсолютно не устарела и очень интересна.

Если наука и интеллект не в состоянии схватить длительность, то каким образом, спрашивается, Бергсон вышел на нее? С помощью интуиции. «Вообще говоря, – пишет Бергсон, – тот, кто овладел интуицией длительности, никогда больше не сможет поверить в универсальный механицизм...» [Бергсон, 2010, с. 320]. Правда, Блауберг отмечает, что идея Бергсона о возможности нового разума, новых понятий, «гибких и текучих, способных принять “форму жизни” <...> осталась в его концепции скорее декларацией, призывом» [Блауберг, 2006, с. 22]. Но, может быть, интуиция длительности сродни религиозному порыву и постижению, вовсе не требующим нового разума и понятий? Поскольку Бергсону были близки идеи Плотина (Бергсон считал его главным для себя мыслителем; об этом влиянии есть большая литература), то интуиция для него была ближе к мистическому дискурсу, чем научному.

Но как убедиться, что интуиция вывела Бергсона к истинному знанию о сознании и Вселенной, действительно ли их сущность – длительность? Так вопрос может поставить естественная наука, традиционная философия до Канта, так, похоже, мыслит и сам Бергсон, рассказывая в своих книгах об эволюции и космосе. Я такой вопрос не стал бы задавать. Осмысление космологических учений, а также «картин реальности» (идеи, сущее, Бог, Дух, разум, природа, ризома и др.), которые открывают большие мыслители, позволяет думать, что длительность из той же оперы: это вариант картины реальности, на которую вышел Бергсон. Экспериментально проверить космологические учения невозможно, они по-разному описывают и объясняют Вселенную, в результате у нас нет уверенности, что мы знаем, как она устроена. В настоящее время наше знание о космосе неопределенно и парадоксально, оно дано нам во множестве несовпадающих разных образов Вселенной [Розин, 2024]. Возможно, в обнаружении картин реальности и участвует интуиция, но, по моим исследованиям, основные факторы здесь другие – культура и ее проблемы, сложившиеся концепции и представления, личность мыслящего, его творчество, а также осмысление и переосмысление того, что получилось. Вот один пример – понимание христианской Вселенной Эмануэлем Сведенборгом.

Сведенборг вышел на следующее представление Вселенной (ее можно интерпретировать как картину христианской реальности): есть два космоса – небо с ангелами и Творцом-Христом и ад, населенный демонами; каждый человек – это бессмертный дух, одни любят добро, другие – зло; после цикла жизни на земле добродетельные духи превращаются в ангелов и поднимаются на небо, где и служат Господу, а злые становятся демонами и опускаются в ад и строят козни против неба; но Бог защищает мироздание. «Господь, – пишет Сведенборг, – постоянно отклоняет человека от зла и наклоняет его к добру, а ад постоянно склоняет его ко злу... кто хочет и любит зло на земле, тот хочет и любит то же самое зло и в той жизни и не терпит, чтоб его тогда разлучали с ним... Из этого следует, что человек после смерти сам собой ввергается в ад, а не Господом» [Сведенборг, 1993, с. 300–301].

«Для существования чего бы то ни было необходимо, чтобы все было в равновесии... Между небесами и адом существует постоянное равновесие; из ада постоянно дышит и возникает усилие делать зло, а с небес постоянно дышит и нисходит усилие делать добро: среди этого равновесия находится мир духов, который занимает средину между небесами и адом... Если бы Господь не управлял как небесами, так и адом, то никакого бы не было равновесия... ады постоянно нападают на небеса и стараются уничтожить их, а Господь постоянно охраняет небеса, отвращая их жителей от зла» [Там же, с. 329, 330–331].

Для Канта, жившего в то же время, такой христианской Вселенной нет в природе, его духовная Вселенная задавалась Священным писанием, поэтому Кант не только отрицает картину реальности Сведенборга, но и, по сути, объявляет последнего сумасшедшим. «Поэтому, – пишет он, – я нисколько не осужу читателя, если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больнице и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования... в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы... Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти... было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому» [Кант, 1964, с. 327, 340, 347].

Но реконструкция жизни и творческой эволюции Сведенборга не позволяет нам следовать за Кантом. В Новое время существовала настоящая проблема, требующая своего разрешения, а именно согласование двух разных мировоззрений – христианского и научного. Эта проблема была в том числе очень актуальной для Сведенборга, который был воспитан как христианин и одновременно являлся крупным ученым и инженером. На многих его вполне светских научных, инженерных и философских рукописях внизу многих страниц идет следующее наставление себе:

«1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.

2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.

3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.

4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества» [Сведенборг, 1993, с. 45].

Другими словами, Сведенборг, как кстати, и Павел Флоренский, принимал одновременно две картины мира – научную и религиозную. Оба мироощущения (Дух и законы природы) в одинаковой мере обуславливали его сознание, жизнь и поступки [Розин, 2023, с. 139].

Именно как картезианец и ученый Сведенборг не мог не признать наличие в Священном писании множества противоречий. Как Господь может существовать в трех лицах, это явное противоречие; почему Он допустил зло и Люцифера, если Господь есть любовь и благо; что значит воскресение человека и смерть, – если исчезновение в ничто, то вряд ли Господь после смерти каждый раз заново творит каждого человека; как понять, что «человек создан по образу и подобию Бога»; что собой представляют рай и ад, ангелы и демоны; почему язычники не спасутся, когда многие из них живут праведнее христиан и вообще ничего не знают о Господе и т.д. и т.п. Простой верующий такими вопросами не задается, но ведь Сведенборг был не только христианином, но и ученым, а также картезианцем.

В результате принципиальных сомнений и размышлений, но не отказа от веры Сведенборг начал переосмысление религиозной реальности. Предполагаю, это произошло еще тогда, когда он занимался наукой. До поры до времени Сведенборг мог закрывать глаза на собственную работу мышления; не то чтобы не замечать ее, такое трудно не увидеть, а как бы отодвигая ее на задний план, чем мы на самом деле часто занимаемся. В каком же направлении шло это переосмысление? Мы хорошо знаем это по его второму духовному периоду. Сведенборг начинает пересматривать противоречивые и не связанные между собой религиозные сюжеты, заменяя их собственными конструкциями в духе рационального картезианского мышления; при этом он создает квазинаучные понятия и выходит на представление

о действительности, напоминающее не только сакральный мир, но и духовную природу. Сведенборг был уверен, что всего лишь уясняет истинное положение дел, ведет своеобразное познание духовной действительности, понимаемой пока еще как каноническая (т.е. соответствующая учению церкви). Понятно, что эта работа была достаточно длительной и непростой, растянувшейся на много лет, предполагавшей «челночное движение», т.е. возвращение и пересмотр исходных основоположений и конструкций. Но нужно учесть (это я, в частности, по себе знаю), что у человека, живущего мышлением, работа мысли совершается постоянно и частично автоматически, иногда даже параллельно с другими занятиями.

Как следствие, наряду с двумя основными реальностями – научным и религиозным миром – в сознание Сведенборга постепенно входит третья реальность. Это реальность, которую он сам создает в результате переосмысления второго мира, с одной стороны, похожая на этот мир, с другой – кардинально от него отличная.

Сведенборг, конечно, не мог не заметить, что новая реальность во многих пунктах противоречит каноническому христианскому учению. Но существовала еще одна серьезная проблема. Сведенборг понимал свою работу как познание духовной действительности в духе новейшего для его времени естествознания. А оно требовало фактов и эксперимента. Последних, однако, не было. Ситуация для Сведенборга была достаточно драматичной. Новая духовная реальность практически уже встала на место канонической, она воспринималась как истинное положение дел, но входила в противоречие как с религиозными догматами церкви, так и собственными научными методологическими установками самого Сведенборга, по которым эта реальность нуждалась в подтверждении опытом.

Именно в этой ситуации на помощь приходит психика, начавшая продуцировать спонтанные сноподобные сюжеты, с одной стороны, восполняющие недостающие элементы научного мышления и действительности, с другой – «рисующие» такую картину, в которой Сведенборг получал санкцию свыше на новый способ познания и мышления. В данном случае речь идет о встрече Сведенборга с посланником Господа и дальнейших духовных путешествиях и общениях с ангелами.

Как я показываю в своих исследованиях, выход в сознание сноподобных реалий предполагает осмысление и работу мышления, создание интерпретаций, формулирование новых подходов и даже переосмысление своего положения в мире (см. исследования творчества К. Юнга, П. Флоренского и др. [Розин, 2006]). Все это мы и находим в жизни Сведенборга. Во-первых, он намечает новые принципы научного познания: трактует природу как подчиненную духовному миру, формулирует отношение соответствия и связанную с ним процедуру выявления соответствий, рассматривает высказывания ангелов и собственный духовный опыт в качестве фактов и научного опыта. Во-вторых, утверждает, что Церковь неадекватно излагает Священное писание, а ему, Сведенборгу, Господь открыл тайны и подлинный смысл Слова. В-третьих, Сведенборг объявляет себя посланником Господа, мессией, призванным раскрыть христианам истинный смысл Слова и знание действительности, поскольку наступают последние времена. Эти три новации можно считать сведенборгианским поворотом, открывшим дорогу многим идущим позднее от науки или философии эзотерикам [Розин, 2023, с. 80–82].

С точки зрения этой реконструкции, Сведенборг не повредился умом, как утверждает Кант, а вышел на картину реальности (открыл, сконструировал ее), отвечающую на его основные запросы, разрешающую его проблемную экзистенциальную ситуацию. Уверен, «интуиция длительности» также представляет собой осознание Бергсоном его собственного творчества. Стараясь понять происхождение построенной им картины реальности, Бергсон пришел к концепции интуиции длительности, считая ее ядром своего философского дискурса, а все остальное во многом выводил из этой концепции.

Интересный вопрос, а нельзя ли все-таки добраться до подлинного строения христианской Вселенной, узнать, как бы сказал Кант, ее как вещь в себе? Вряд ли, дело в том, что христианская Вселенная отчасти продукт рукотворный и эволюционирующий. Канонический христианский мир сложился во многом усилиями католической церкви, а сведенборгианская церковь («Церковь Нового Иерусалима») была создана последователями Сведенборга. В настоящее время христианская церковь и конфессия очень изменились, а сведенборгианская церковь сохранилась в США и Англии и во многом потеряла свое значение.

И уже полная фантастика пытаться понять Вселенную как вещь в себе: мало того, что она дана человеку во множестве несовпадающих образов, мы не знаем ни ее границ, ни происхождения, ни природы. К тому же, если нам даны только картины реальности космоса, различающиеся в историческом времени и у отдельных философов и ученых, то вряд ли можно выйти на знание того, как на самом деле устроена Вселенная. И что значит «на самом деле», для кого, с какой целью, в рамках какого подхода и мышления? Не оказываемся ли мы опять в рамках локальности, не выйдем ли в очередной раз к еще одной картине реальности? В этом случае не только нельзя узнать, как на самом деле устроена Вселенная (и наш мир как вещь в себе), но это, вероятно, и не нужно.

«Эйнштейн, – размышляет Пьер Адо, – приходил в восторг от законов природы, предполагающих трансцендентальный разум, и от порядка мира, соответствующего порядку мысли. Можно было бы сказать по этому поводу: непонятно то, что мир был бы понятен... Для этой темы, вы это признали сами, вопрос провидения и порядок мира имеют мало значения. Эпикур в это не верил, и, кстати, необходимость стоиков в конце концов не очень сильно удалена от некоторых современных концепций» [Адо, 2005, с. 240].

Современные исследования позволяют реконструировать схему, выведшую Бергсона на картину реальности длительности. Главной в построении этой картины была, на мой взгляд, вовсе не проблема *временности жизни*, а две другие. Во-первых, нужно было осмыслить многочисленные исследования в тот период эволюции (космической, биологической, культурной), в частности понять, почему вообще происходят изменения форм и явлений; во-вторых, выработать отношение к концепциям, объясняющим взаимоотношения человека с космосом. Вряд ли Бергсон согласился бы с русскими космистами конца XIX – начала XX столетия или с Олегом Базалук, только что опубликовавшим книгу «Дискурсивное продумывание образования: обучение тех, кто преобразует Вселенную» [Базалук, 2023].

«Сейчас, – разъясняет Светлана Семенова, – человечество, считал Сухово-Кобылин, находится в своей *земной* (теллурической) стадии развития. Ему предстоит пройти, завоевать собственным усилием еще две: *солярную* (солнечную), когда произойдет расселение землян в околосолнечном пространстве, и *сидеральную* (звездную), предполагающую проникновение в глубины космоса и их освоение. Это и будет Всемир, “всемирное человечество” – “вся тотальность миров, человечеством обитаемых во всей бесконечности Вселенной”... “Человека технического” сменит “человек летающий”: «высший, т.е. солярный, человек просветит свое тело до удельного веса воздуха... “для этого выработает свое тело в трубчатое тело, т.е. воздушное, более того, в эфирное, т.е. наилегчайшее тело”. В результате преобразовательного действия, направленного на собственную природу, человек как бы сбросит свою нынешнюю тяжелую, телесную оболочку и превратится в бессмертное духовное существо. Это и есть радикальное переосмысление гегелевского “абсолютного духа”, тут обернувшегося реальным человечеством в его грядущей космической судьбе» [Семенова, 1993, с. 11–12].

«Дискурсивное продумывание образования “тех, кто преобразует Вселенную”, – пишет Базалук, – это восходящий путь к главным инструментам, с помощью которых

создается “идеальный” правовой порядок, в котором законы космоса оказывают провиденциальное и директивное влияние на способ жизни людей» [Базалук, 2023, с. 75].

Бергсон понимал взаимоотношение человека с космосом иначе: космос – не условие преобразования человека или провиденциальный правовой порядок, а всеобщий сущностный аспект любой жизни, как на земле, так и во Вселенной. Осознать это понимание ему действительно помог Плотин. Косвенно судить об этом нам сегодня позволяет работа Пьера Адо «Плотин, или Простота взгляда» [Адо, 1991]. Вот один фрагмент из нее, рисующий отношение человека с высшим началом, отношение, которое, вероятно, было близко Бергсону. «Как и гностики, Плотин, – пишет П. Адо, – существуя в собственном теле, чувствует, что он по-прежнему является тем, чем был до того, как оказался в этом теле. Его подлинное “я” не принадлежит земному миру. Но Плотин не собирается ждать конца материального мира, чтобы его “я”, имеющее духовную сущность, вернулось в духовный мир. Духовный мир не есть нечто надземное или космическое, отделенное от нас небесными пространствами. Это и не некое невозвратно потерянное первоначальное состояние, вернуть в которое его “я” могла бы лишь Божья милость. Нет, духовный мир – не что иное, как более глубинное “я”. Его можно достичь моментально, погрузившись в себя.

“Часто я пробуждаюсь от своего тела к себе самому; я становлюсь недостижимым для внешнего мира, я внутри себя; я вижу красоту, исполненную величия; тогда я верю: я прежде всего принадлежу к высшему миру; жизнь, которой я живу в эти моменты, – лучшая жизнь; я сливаюсь с Божественным, живу в нем; достигнув этого высшего взлета, я останавливаюсь; я возвышаюсь над любой другой духовной реальностью; но после этого отдохновения в Божественном, опускаясь от интуиции до рефлексии и рассуждения, я спрашиваю себя: как я мог и раньше и вновь пасть так низко, как могла моя душа оказаться внутри тела, если, даже находясь в этом теле, она такова, какой мне предстала” (IV, 8, 1, 1).

Здесь перед нами явно автобиографический отрывок из сочинений Плотина, где описываются жизненно важные моменты, пережитые философом. Плотин упоминает здесь об исключительных моментах, не о постоянном состоянии. Происходит нечто вроде пробуждения: что-то до сих пор неосознаваемое проникает в сознание» [Там же, с. 19–20].

Если задумываться об условиях и возможности подобного осознания, то можно выйти на тему духовной, эзотерической жизни и работы. Бергсон, подобно Плотину, Адо или Сведенборгу, с одной стороны, все же был эзотериком, с другой – последователем не только Плотина, но и Платона, призывавшего жить сознательно, продумывая путь к «Спасению» (небу, богам и благу). «Такой человек, – писал Платон в “Послезаконии”, – даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь, иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе с тем блажен» [Платон, 1994, с. 458].

Для эзотерика наш мир не подлинный, в нем противоречия, конфликты, страдания и зло; подлинный, духовный мир свободен от этих реалий, зато в нем можно реализовать основные устремления, мечты и чаянья эзотерика [Розин, 2020]. Но чтобы достичь подлинного мира, необходимо жить духовной жизнью (по Платону или следуя за другими духовными подвижниками). Например, П. Адо понимает духовную жизнь как занятие философией (опять Платон) и духовными упражнениями. «То, что я сказал в самом общем плане о духовных упражнениях, – пишет он, – может произвести впечатление – хотя я стремился избежать этого, – что духовные упражнения – это некое *добавление* к философской теории, к философской речи, что это просто *практика*, которая дополняет теорию и абстрактную речь. На самом деле, упражнением является вся философия» [Адо, 2005, с. 141]. «Мне не нравится, – замечает Адо, – выражение “практики себя”, введенное в моду Фуко, и еще мень-

ше выражение “писание себя”. Здесь мы практикуем не “себя”, и тем более мы не пишем “себя”. Мы практикуем упражнения для преобразования “Я”, и пишем фразу, чтобы влиять на “Я”» [Адо, 2005, с. 148].

О духовной, эзотерической работе Плотина свидетельствует приведенный выше отрывок («я прежде всего принадлежу к высшему миру; жизнь, которой я живу в эти моменты, – лучшая жизнь; я сливаюсь с Божественным, живу в нем»). Читая биографию Бергсона и «Творческую эволюцию», можно уяснить его понимание духовной работы: это интуиция и обычная жизнь в поступках.

Бергсон не был прямым адептом Плотина, он как философ и ученый Нового времени человека, Вселенную и эволюцию должен быть помыслить рационально, чтобы современники его поняли. Но в глубине своего сознания Бергсон соглашается с Плотиним. Разрешая это противоречие, Бергсон и выходит на картину реальности длительности. Однако главные смыслы и события этой реальности не столько в признании непрерывной изменчивости (хотя внешне так выглядит), а в «схемах», позволяющих разрешить указанные выше экзистенциальные. Можно сделать заключение, поясняет Бергсон, «что индивидуальность никогда не бывает завершенной и зачастую трудно, а иногда и невозможно сказать, что такое индивид, а что им не является; но жизнь тем не менее ищет путей к индивидуальности...» [Бергсон, 2006, с. 50].

Два слова о схемах. Общие функции схемы следующие. Схема позволяет разрешать «проблемные ситуации», обеспечивает понимание происходящего, задает новое видение и реальность, а также возможность нового действия [Розин, 2011, с. 45–70]. Как понятие «схема», представленная графическим изображением или нарративным построением, является схемой только в случае специальной реконструкции. А именно, необходимо восстановить «проблемную ситуацию», разрешение которой заставило изобрести эту схему, «реальность», заданную в этой схеме, «новые действия», которые эта схема позволяет построить.

В «Творческой эволюции» можно реконструировать три проблемные ситуации, склоняющие Бергсона связать сознание человека с движением Вселенной, представить эволюцию как творчество, задать характер изменений, основанных на работе памяти и индивидуации. Разрешая их с помощью рассмотренные выше нарративы, которые в реконструкции выступают как схемы, Бергсон задает реальность, осмысляемую двояко: так сказать, *спиритуалистически* (творчество, постижение Вселенной и эволюции: «Единое, – пересказывает он Плотина, – ничего не теряет в процессе нисхождения в чувственный мир, оставаясь вечно тем же и равным себе» (цит. по: [Блауберг, 2006, с. 19])) и *рационально*, как длительность.

Почему длительность? Трудно сказать, возможно, потому, что эволюцию нельзя помыслить как недлящуюся: пока Вселенная живая, она «живет», кроме того, что такое Единое, если не высшая форма жизни и не изменение (об этом, сводя изменения к движениям, писал еще Аристотель)?

Проблемные ситуации	→	СХЕМЫ (нарративы «Творческой эволюции»)	→	Новое действие
желание связать сознание человека с жизнью Вселенной; представить эволюцию как творчество; задать изменения, основанные на работе памяти и индивидуации		↓ новая реальность – длительность; нисхождение Единого в чувственный мир и восхождение сознания человека к Единому; жизненный порыв		объяснение Вселенной, эволюции, творчества и пр.

Многие, вероятно, рассматривают философию Бергсона как имеющую только историческое значение. Вряд ли это правильно. Сегодня Бергсон – предтеча будущего философского мировоззрения и дискурса. Нужно учесть, что наша цивилизация вошла в полосу глубокого кризиса и процесса становления следующей большой культуры – «фьючекультуры», что без новой веры и смысловой опоры будут постоянно воспроизводиться сложившиеся формы социальности модерна и видения реальности, а это чревато катастрофами и даже гибелью планеты. Спасение – в кардинальной смене образа жизни и ценностей. В свою очередь, они невозможны без пересмотра жизни современного человека, изменения его отношения не только к социальности, но и к природе и космосу. Однако подобный пересмотр, как показывает опыт XX столетия и последних десятилетий, блокируется сложившимися представлениями и картинами мира. На мой взгляд, преобразование сознания современного человека невозможно без творчества, поворота и порыва, без создания «смыслового проекта спасения», новой картины реальности. Судя по «Творческой эволюции», Бергсон еще столетие назад промыслил грядущую эсхатологическую ситуацию и начал работу по ее разрешению.

Список литературы

- Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с фр. В.А. Воробьева. М.; СПб.: Изд. «Степной Ветер», ИД «Коло», 2005.
- Адо П. Плотин, или Простота взгляда / Пер. с фр. Е. Штофф. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
- Базалук О. Дискурсивное продумывание образования: обучение тех, кто преобразует Вселенную. L.; N.Y.: Routledge, 2023.
- Бергсон А. Письмо Харальду Гёффридунгу // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / Пер. с фр. И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 320–322.
- Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флёровой. М.: Кучково поле, 2006.
- Блауберг И.И. Введение // Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флёровой. М.: Кучково поле, 2006. С. 5–38.
- Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 293–355.
- Платон. Послезаконие / Пер. с др.-греч. А.Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 438–459.
- Розин В.М. Образы и парадоксы Вселенной. Прологомены к рефлексивной концепции космологии. М.: Голос, 2024.
- Розин В.М. Демаркация науки и религии: Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. М.: ЛЕНАНД, 2023.
- Розин В.М. Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 74–89.
- Розин В.М. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ, 2006.
- Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: URSS, 2011.
- Розин В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста (Путешествие в страну эзотерической реальности). М.: URSS, 2020.
- Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев: Украина, 1993.
- Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм. Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.

Experience of Understanding Henri Bergson's "Creative Evolution"

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article offers the author's reconstruction of Henri Bergson's famous work "Creative Evolution", clarifying a number of provisions of the book that were unclear to the author. It is about how the Universe, seemingly an empty, lifeless space, was understood by Bergson as a form of life, moreover, a creative life, and also why Bergson extrapolates human experience to the Universe, as a result of which it becomes possible, with the help of introspection and intuition, to penetrate through human consciousness into the essence of the Universe, which turns out to be "duration". Based on the reconstruction of the work of Emanuel Swedenborg, the author suggests that Bergson resolves two existential problematic situations for him (understanding evolution, as well as the relationship between space and man) by creating schemes that defined the reality conceptualized by Bergson as duration. Considering some aspects of Bergson's spiritual experience, the author notes the influence of Plotinus's ideas on the French philosopher and examines how the latter were rethought to meet the requirements of philosophical communication of the New Time. In conclusion, the author points out the significance of Bergson's work for our time.

Keywords: H. Bergson, E. Swedenborg, Universe, consciousness, evolution, reconstruction, reality, understanding, schemes, man, space, creativity

References

- Ado P. *Filosofiya kak sposob zhit'*: Besedy s Jeanni Carlier i Arnold'om I. Davidson'om [Philosophy as a Way of Living: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson], trans. by V.A. Vorobiev. Moscow; St. Petersburg: Publishing House "Steppe Wind" Publ., ID "Kolo" Publ., 2005. (In Russian)
- Ado P. *Plotin, ili Prostota vzglyada* [Plotinus or the Simplicity of View], trans. by E. Shtoff. Moscow: Greco-Latin Cabinet of Yu. A. Shichalin Publ., 1991. (In Russian)
- Bazaluk O. *Diskursivnoe produmyvanie obrazovaniya: obuchenie tekhn, kto preobrazuet Vselennuyu* [Discursive Thinking Through Education: Teaching Those Who Will Transform the Universe]. London; New York: Routledge, 2023. (In Russian)
- Bergson A. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya* [Creative Evolution], trans. by V. Flerova. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2006. (In Russian)
- Blauberg I.I. *Vvedenie* [Introduction]. In: Bergson A. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya* [Creative Evolution], trans. by V. Flerova. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2006, pp. 5–38. (In Russian)
- Kant I. *Grezy dukhovidtsa, poyasnennyye grezami metafizika* [Dreams of a Visionary, explained by the Dreams of a Metaphysician]. In: Kant I. *Sochineniya*: in 6 t. [Works: in 6 vols], vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 1964, pp. 293–355. (In Russian)
- Rozin V.M. *Obrazy i paradoksy Vselennoi. Prolegomeny k reflektivnoi kontseptsii kosmologii* [Images and Paradoxes of the Universe. Prolegomena to the Reflexive Concept of Cosmology]. Moscow: Golos Publ., 2024. (In Russian)
- Rozin V.M. *Demarkatsiya nauki i religii: Analiz ucheniya i tvorchestva Emanuel'a Svedenborga* [Demarcation of Science and Religion: Analysis of the Teachings and Works of Emanuel Swedenborg]. Moscow: LENAND Publ., 2023. (In Russian)
- Rozin V.M. *Psikhologiya i khristianstvo: avtonomiya, ob'edinenie ili kommunikatsiya?* [Psychology and Christianity: Autonomy, Unification or Communication?], *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2007, vol. 4, no 2, pp. 74–89. (In Russian)
- Rozin V.M. *Myshlenie i tvorchestvo* [Thinking and Creativity]. Moscow: PER SE Publ., 2006. (In Russian)

Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to Schematics: Schemes in Philosophy, Culture, Science, and Design]. Moscow: URSS Publ., 2011. (In Russian)

Semenova S.G. *Russkii kosmizm* [Russian Cosmism]. In: *Russkii kosmizm. Antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism. An Anthology of Philosophical Thought], ed. by S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1993, pp. 3–33. (In Russian)

Svedenborg E. *O nebesakh, o mire dukhov i ob ade* [On the Heavens, the Spiritual World, and Hell]. Kiev: Ukraine Publ., 1993. (In Russian)